

УДК 397, 303.01

DOI: 10.17223/2312461X/29/14

КОНЦЕПТЫ «РОД» И «РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ*

Владимир Александрович Попов

Аннотация. В статье предлагается разграничить понятия «род» и «родовая организация» и признать в качестве собственно рода основную таксономическую единицу родовой организации, которая представляет собой совокупность иерархически соподчиненных социальных институтов (родовых институтов). Структурообразующими принципами всех родовых институтов являются экзогамия, унилинейность и корпоративность. Собственно род обладает наибольшей целостностью и характеризуется еще и локализованностью. В результате переосмысления существующих дефиниций формулируется определение рода как экзогамного, унилинейного и корпоративного социального института, представляющего собой локализованное подразделение родовой организации. Статья базируется на конкретном материале матрилинейных родовых институтов, функционирующих у аканских народов (Западная Африка).

Ключевые слова: род, родовая организация, экзогамия, унилинейность, корпоративность, первобытность, традиционные общества, неотрадиционализм, аканы

Введение

Среди множества нерешенных проблем генезиса, исторической динамики и функционирования первобытных форм социальной организации одной из самых актуальных по-прежнему является проблема родовой организации, о чем свидетельствует, например, недавняя дискуссия о роли рода и неородовой организации в современных неотрадиционных обществах Сибири и Северного Кавказа на XIII Международном конгрессе антропологов и этнологов России в Казани (2019: 1–10, 409–412; Неотрадиционализм 2019).

Действительно, кардинальный пересмотр теории родового строя во второй половине XX в. привел к весьма неоднозначной ситуации. С одной стороны, уже мало кто из исследователей отождествляет первобытность (первичную формацию) с родовым строем или ищет пережитки материнского рода в позднепервобытных и раннеклассовых обществах, поскольку вопрос о первичности и универсальности матрилинейной формы рода и, соответственно, австралийская контроверза перестали быть столь животрепещущими, а точнее, актуальны только для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00644).

немногочисленных сторонников однолинейного эволюционизма (в том числе в марксистском варианте), трактующего материнский и отцовский роды в качестве обязательных и последовательных стадий в развитии первобытного («общинно-родового») общества.

С другой стороны, в специальной литературе обозначился большой спектр подходов к толкованию содержания самого концепта «род» – от полного отказа от термина «род» или попыток заменить его каким-либо термином-аналогом, распространенным в зарубежной литературе («клан», «линидж», «сиб», «генс», «септ», «десцентная группа», «рэмидж» и т.п.) (Крюков 1967; Коротаев, Оболонков 1990; Кожановская 1993), до весьма широкой трактовки рода, при которой теряется содержательная однозначность этого научного понятия (Коротаев, Оболонков 1989; Коротаев 1997; Артемова 1997, 2000). По сути, и то и другое – не более чем игра в термины, зачастую никак не связанная с конкретным материалом.

В то же время предлагается применять термин «род» для обозначения только одной из конкретных форм родственных институтов. Именно этот путь наиболее перспективен, поскольку, как известно, о терминах не спорят, а договариваются.

Род и родовая организация

Что же такое «род» в представлении большинства отечественных исследователей? Краткий анализ существующих определений в научной литературе 1960–2010-х гг. (Попов 1982а: 64; 2015а, 2015б; Дрэггер, Першиц 1986: 121–123; Коротаев, Оболонков 1990; Кожановская 1993; Артемова 1998в: 886–887; Алексеев, Першиц 1999: 139–145, 210–214, 275), при всех их формальных различиях, позволяет выделить некие инвариантные признаки: *экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок, символы единства*. Другими словами, перед нами структурообразующие (т.е. необходимые и достаточные, или интегративные) принципы родовой организации.

Между тем если присмотреться к этому перечню принципов, то только экзогамия, пожалуй, не требует особых комментариев. Правда, Ю.И. Семенов считает, что более точным является термин «экзокойтия» (от греч. *экзо* – вне, *койтус* – половой акт), поскольку суть рода, по его мнению, заключается в акойтии – абсолютном запрете половых отношений между его членами (Семенов 1999: 22). Что же касается однолинейного счета родства и общего предка, то по существу это тавтология, так как унилинейность как форма линейного принципа счета родства предполагает генеалогию и, следовательно, происхождение от одного предка, а не от группы предков, как при латеральном счете родства.

Говоря о типах счета родства, следует обратить внимание на то, что современные представления о специфике ранних этапов развития об-

щества не допускают гипертрофизации значимости пола и сведения всего процесса перехода от первичной формации ко вторичной формации к смене только иерархии социальных ролей по признаку пола (от матрилинейности к патрилинейности). Переосмысление соотношения основных форм филиации (счета родства) обусловлено, в частности, осознанием принципиальной невозможности трансформации одной формы линейности в другую, т.е. матрилинейности в патрилинейность или, наоборот, патрилинейности в матрилинейность. Иначе говоря, стадияльные структурообразующие принципы, а не конкретные формы их проявления. Поэтому менялась не форма, а принцип счета родства, т.е. генеалогический (линейный) принцип пришел на смену групповому (латеральному), что находится в корреляции с качественными различиями между историческими стадиями (типами) систем родства – первичной (классификаторской, групповой) и вторичной (линейно-степенной, вертикальной, описательной) (Алгебра родства: 5–205; Гиренко 1978; Попов 1982б, 1982в; Артемова 1998б; Кожановская 1998а, 1998б, 1998в, 1998г). Поэтому были все основания для того, чтобы «перенести акцент... на рассмотрение трансформации латеральных систем (где преемственность осуществлялась от группы к группе) в системы линейные (где доминирует индивидуальная преемственность)» (Girenko 1979: 815). Род же как унилинейный социальный институт, или генеалогический коллектив кровных родственников, происходит от одного реального (или мифического) предка.

Относительно символов единства можно предположить, что имеются в виду не только собственно символы (названия родов, тотемы, девизы, свой антропонимикон и прежде всего личные имена, ритуальные атрибуты и т.п.), но и те признаки, которые сплачивают людей и укрепляют социальную общность, т.е. создают феномен корпоративности, определяющий самоидентификацию членов рода и способствующий возникновению чувства группового единства (ср.: Артемова 1998а: 887). К ним, несомненно, следует отнести общий культ предков и связанную с ним обрядность, взаимные права и обязанности (в том числе и в связи с распоряжением собственностью рода).

Таким образом, если учесть вышеизложенные уточнения, то основными структурообразующими принципами рода следует признать *экзогамия*, *унилинейность* и *корпоративность*.

Аканские матрилинейные родовые институты

Если теперь обратиться к конкретному материалу, то, например, у многих земледельческих народов Тропической Африки зафиксировано несколько подразделений традиционной социальной организации, каждое из которых обладает тем единством свойств, которое позволяет отнести их с теоретическим понятием рода. Так, у бантуязычных майо-

мбе (Нижнее Конго) и западноафриканских аканов (ашантийцы, фантийцы, ачемцы, аквапимцы и др.) функционируют по три социальных института соответственно: *мвила*, *диканда*, *мвуги* (Richards 1950: 207–251) и *абусуапон*, *абусуа*, *яфуну* (Fortes 1950: 254, 258; 1970: 163; Попов 1980а, 1982а: 62–66), представляющие собой, по сути, некие иерархии подразделений матрилинейной родовой организации.

Рассмотрим подробнее весьма репрезентативный аканский материал.

Абусуапон – это экзогамное, нелокализованное подразделение, объединяющее кровных родственников, которые ведут свое происхождение от реальной или мифической прародительницы. Слово *абусуа* – синоним *моджа* («кровь»); у ашантийцев есть даже пословица: «Одна абусуа – одна кровь». Членами абусуапон являлись все кровные родственники по материнской линии, и членство это не могло быть утрачено. Исключение составляли только те, кто был отлучен от абусуапон. Правило экзогамии соблюдалось очень строго, и брак между членами одной абусуапон считался инцестуальным. В прошлом нарушители экзогамии наказывались смертью, ныне ограничиваются отлучением и принесением в жертву овцы.

Каждая абусуапон имеет свое название, девиз и тотем или несколько тотемов. Тотемом обычно служит какое-нибудь животное (леопард, лиса, дикий кот, собака, буйвол и др.), птица (попугай, сокол, гриф, ворона), рыба, пресмыкающееся (лягушка, красная змея), растение (плантен, стебель кукурузы) и даже пальмовое масло и красная глина. Эпоном запрещалось убивать и употреблять в пищу, следовало также стараться всячески избегать встречи с ним.

Все члены одной абусуапон, как живые, так и умершие (предки), обладали одинаковыми правами и обязанностями. Они несли коллективную ответственность за преступления и долги друг друга, имели право пользования землями, принадлежащими их абусуапон. Они также должны были придерживаться определенных норм поведения. В частности, каждому тотему приписывались символические значения, и членам абусуапон, имевшим данный тотем, надлежало своими действиями оправдывать его символику. Например, члены абусуапон Беретуо (тотем – леопард) должны были быть воинственными, Агона (тотем – попугай) – красноречивыми и т.д. Идеологическое единство членов одной абусуапон проявлялось также в некоторых обрядах и в общем культе предков.

Все абусуапон формально имели одинаковый статус, но в каждом вождестве (омане) одна из них могла иметь более важное значение. Например, Беретуо – в ашантийском омане Мампонг, а Ойоко – у всех ашантийцев, поскольку верховный правитель Конфедерации Ашанти (асантехене) избирался только из ее членов. Другими словами, уже имелась некая иерархия абусуапон и, в частности, произошло выделение династийных абусуапон.

Таким образом, основными компонентами абусуапон являются несколько поколений родственников (живых и умерших), связанных между собой экзогамией и матрилинейным счетом родства, а также одинаковыми правами и обязанностями, общим культом, обрядностью и символикой (имя, тотем, девиз), т.е. корпоративностью.

Каждая абусуапон состояла из локализованных сегментов – *абусуа*¹, включавших в себя родственников по материнской линии, которые прослеживали свою генеалогию в среднем на 4–5 поколений к одной прародительнице. Они часто называют себя потомками конкретной прародительницы, но особых названий у абусуа нет (за исключением омана Венчи, где такие названия были зафиксированы).

Абусуа представляла собой реальный коллектив людей, который имел свою землю, постройки, орудия труда, праздничную и церемониальную одежду, различные украшения и другие ценности. Все члены абусуа несли коллективную ответственность за поступки друг друга, а отказ в доверии и поддержке кому-либо из членов абусуа считался большим наказанием и применялся только как чрезвычайная мера. Одним из наиболее ярких выражений единства и солидарности членов одной абусуа были похороны умершего члена. В течение этой церемонии они соблюдали траурные табу и поровну оплачивали все расходы. У фантийцев в связи с этим есть соответствующая поговорка: «Члены абусуа – это те, кто делит затраты на похороны» (Christensen 1954: 20). Каждая абусуа имела свое кладбище или особое место на общем кладбище селения.

Во главе абусуа стоял *абусуапанин* (панин – «старший»), которого пожизненно выбирали на общем собрании всех членов. Абусуапанин руководил хозяйственной, бытовой и ритуальной деятельностью своей абусуа. Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организатором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее абусуа. Как представитель прародителей он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов абусуа. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами своей абусуа, а главной его помощницей была *обаапанин* (как правило, сестра абусуапанин), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т.д.).

Итак, абусуа как сегмент абусуапон имеет тот же структурно-компонентный состав, что и абусуапон, но детерминантными структурообразующими признаками абусуа являются не только экзогамия, корпоративность и матрилинейность, но и локализованность и потестарность.

Каждая абусау состояла из нескольких яфуну (букв. «чрево») – групп матрилинейных родственников, прямых потомков (во втором–третьем поколении) одной женщины или группы женских сиблингов. Яфуну являлся именно тем сегментом абусуапон, который непосредственно распоряжался землей, принадлежавшей всей абусуапон. Именно в яфуну реализовывались все права и обязанности членов абусау.

Краткое рассмотрение структуры и функций абусуапон, абусау и яфуну показывает, что эти социальные институты вполне можно рассматривать как три ступени в иерархии матрилинейной родовой организации, или родовой системы. Единого термина, который бы охватывал все подсистемы, у аканов нет, хотя, в принципе, таковым может служить слово «абусау», так как сами аканы называют этим термином и собственно абусау, и абусуапон, но не отождествляют их полностью.

Однако какой же из аканских родовых институтов является собственно родом? Ответить на этот вопрос нелегко, поскольку общее определение рода не учитывает структурные и функциональные особенности различных таксономических уровней родовой организации и историческую динамику подразделений рода, т.е. не указывает на специфические признаки собственно рода. Между тем вопрос этот заслуживает, как представляется, не меньшего внимания, чем, например, проблемы соотношения рода, семьи и общины и первичности / вторичности или однопорядковости матрилинейной и патрилинейной форм рода, поскольку он, несомненно, связан с проблемой генезиса и развития родовой организации как явления. Вероятно, следует различать род и родовую организацию, при этом последняя может быть определена как иерархическая совокупность родовых институтов.

В отечественной литературе имеется две схемы синхронного иерархического соподчинения родовых институтов или, в терминах Д.А. Ольдерогге, *линии родовых структур*. Сам Ольдерогге предложил следующую схему: *группа родов – род – подразделение рода – ядро домохозяйства (большой семьи)* (Ольдерогге 1972: 103). Н.А. Бутинов выделяет следующие ступени родовой иерархии: *клан – сиб (субклан) – род (матри / патрилиния, или линидж)* (Бутинов 1974: 146). Ранее он различал *род* и *малый род*, или *патри / матри / амбилинию* (Бутинов 1967: 178, 183).

Родовые институты аканов соответствуют следующим ступеням в этих иерархиях: абусуапон – род / клан; абусау – подразделение рода / сиба (субклан); яфуну – ядро домохозяйства (большой семьи) / род (линидж).

Иерархия Д.А. Ольдерогге отражает представление о разделении первичного большого рода на составные части по схеме: род – подрод – подподрод – подподподрод – (под)ⁿ род. Иерархия Н.А. Бутинова фиксирует процесс роста первичного рода в противоположном направле-

нии: род – надрод – наднадрод – наднаднадрод – (над)ⁿ род. Поэтому в первом случае род – это самая первая (высшая) ступень в иерархии родовых институтов, а во втором – последняя (низшая). Однако аканский материал (прежде всего, семантика слов, обозначающих отдельные ступени в иерархии аканских родовых институтов) не совсем соответствует двум прямо противоположным трактовкам механизма возникновения иерархии родовых институтов. Логика языка подсказывает следующее, по сути компромиссное решение проблемы: абусуа – род, абусуапон – надрод, яфуну – подрод (для сравнения: М. Фортес определяет абусуапон как клан, абусуа – как максимальный линидж, или локализованный матрилинидж, яфуну – как минимальный линидж (Fortes 1950: 254, 258; 1970: 163)).

Таким образом, получается, что собственно родом следует признать локализованную ступень в иерархии родовых институтов. Следовательно, локализованность – еще один структурообразующий принцип рода; именно этим род отличается от других подразделений родовой организации (ср.: Першиц 1992: 36).

Аканский патрилинейный институт нторо и проблема его атрибуции

Помимо матрилинейных родовых институтов у аканов функционирует еще один социально-родственный институт – *нторо*, который часто сближают с патрилинейными родовыми структурами, поскольку его системообразующей детерминантой является счет родства по отцу², и поэтому аканские общества часто квалифицируют как обладающие двойной филиацией (Herskovitz 1937; Murdock 1940: 557; Christensen 1954: 5; Augé 1975: 19).

Однако имеющиеся материалы не позволяют считать нторо экзогамным и линейным институтом, скорее он обладает признаками латеральности (в патрилатеральной форме), а не патрилинейной филиации, поскольку генеалогии нторо охватывали не более трех поколений, и все связи, как правило, ограничивались группой сиблингов отца и группой сиблингов эго (подробнее см.: Попов 1980б, 1982а: 49–55, 67–68; 1990: 85–87).

В XIX в. к одному нторо³ принадлежали все родственники, происшедшие от одного предка-мужчины, а также жены, жившие в домохозяйствах мужей. Одни исследователи считают нторо экзогамными (Rattray 1923: 46), другие же утверждают, что ограничение браков в пределах одного нторо было не таким строгим, как в абусуа; потомки одного мужчины в 5–6-м поколениях могли вступать в брак друг с другом (Manoukian 1950: 24; Meyerowitz 1951: 116). Поэтому нет оснований считать институт нторо аналогичным группировкам абусуа и

отождествлять его с патрилинейным родом, или кланом. Ведь членами одного нторо являлись не только потомки одного мужского предка, но и их жены. Другими словами, это не экзогамия, которая полностью исключала возможность того, чтобы супруги принадлежали к одному роду. По-видимому, нторо – *эктогамный* социальный институт, т.е. такая система, при которой человек не может вступать в брак с членом своей собственной группы, но его супруг включается в состав этой группы⁴.

Никакого хозяйственного значения группировки нторо не имели. Члены одного нторо не владели землями, постройками и другим имуществом и не имели взаимных обязательств. Их объединяли соблюдение определенных табу, набор общих имен, формы этикета и ритуалы, связанные с почитанием духа-покровителя конкретного нторо⁵.

Члены одного нторо находились в дисперсном состоянии и не встречались для ритуальных или каких-либо социальных целей, как и члены одной абусау. Все свои функции группировки нторо осуществляли в рамках деревенской общины или домохозяйства (большой семьи), причем в доколониальную эпоху на базе нторо фактически создавались военные отряды асафо. Подразделений у нторо не было. Показательно, что в XX в., когда возникло достаточно стимулов к развитию патрилинейности, институт нторо у ашантийцев утратил свою социальную значимость и воспоминания о нем сохранились только в устной традиции.

Таким образом, группировки нторо представляют собой несколько поколений родственников и свойственников, связанных между собой патрилateralностью, экзогамией, общей символикой, обрядностью и культом. Совершенно очевидно, что нторо никак нельзя определить в качестве родового института – он строится на совершенно иных структурообразующих принципах.

Заключение

Кратко суммируем основные положения предлагаемой для дальнейшего обсуждения трактовки рода и родовой организации:

1. Понятия «род» и «родовая организация» не являются тождественными и тем более синонимичными. Род – это основная таксономическая единица родовой организации, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность иерархически соподчиненных социальных институтов (родовых институтов).

2. Структурообразующими принципами всех родовых институтов являются экзогамия, унилинейность и корпоративность. Собственно род обладает наибольшей целостностью и характеризуется еще и локализованностью.

3. Теоретическое определение рода может быть сформулировано следующим образом: *род – это экзогамный, унилинейный и корпора-*

тивный социальный институт, представляющий собой локализованное подразделение родовой организации. В отличие от общины род никогда не был производственной ячейкой, имел только брачно-регулирующие и ритуальные функции.

Примечания

¹ Формант *пон* (*бан*), имеющийся в слове *абусуапон*, означает «куча, набор вещей, большое дерево» и т.п. Он добавляется, как правило, тогда, когда необходимо противопоставить абусуапон ее сегменту – абусуа.

² Фантийцы называют группирования, аналогичные нторо, словом *эджабосом* («дух отца»).

³ Словом *нторо* обозначается также мужское семья.

⁴ Термин «эктогамия» предложен Ю.И. Семеновым (Семенов 1968: 83).

⁵ Первая часть большинства названий нторо – «босом, обосом» – переводится как «дух», вторая часть составляет имя духа, под покровительством которого находятся члены данного нторо. При этом именами духов, как правило, являются названия рек и других водоемов: Босомпра – дух реки Пра, Босомпо – дух моря и т.д. Считается, что члены группировок нторо – дети духов воды, от которых они получают свое нторо.

Литература

Алгебра родства. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 1999. 288 с.

Алексеев В.П., Перишц А.И. История первобытного общества. 5-е изд. М.: Высшая школа, 1999. 318 с.

Артемова О.Ю. Структурный, функциональный и стадийный подходы к проблеме родовой организации // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Уфа: Восточный университет, 1997. Ч. 2. С. 25.

Артемова О.Ю. Корпоративная группа // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998а. С. 887.

Артемова О.Ю. Матрилинейность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998б. С. 889.

Артемова О.Ю. Род // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998в. С. 896–897.

Артемова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 25–50.

Бутинов Н.А. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 168–191.

Бутинов Н.А. Общинно-родовая иерархия в Северо-Западной Меланезии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1974. С. 143–147.

Гиренко Н.М. К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // *Africana*. Африканский этнографический сборник. Вып. 11. Л.: Наука, 1978. С. 13–53.

Дрэгер Л., Перишц А.И. Организация родовая // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. С. 121–124.

- Кожановская И.Ж.* Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии? (Обзор зарубежной и отечественной литературы) // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 163–174.
- Кожановская И.Ж.* Латеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998а. С. 888.
- Кожановская И.Ж.* Матрилатеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998б. С. 889.
- Кожановская И.Ж.* Патрилатеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998в. С. 894.
- Кожановская И.Ж.* Патрилинейность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998г. С. 894.
- Кортаев А.В.* Сабейские этюды. М.: Восточная литература, 1997. 224 с.
- Кортаев А.В., Оболонков А.А.,* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Советская этнография. 1989. № 2. С. 36–45.
- Кортаев А.В., Оболонков А.А.* Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. М.: Наука, 1990. С. 3–52.
- Крюков М.В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // Советская этнография. 1967. № 6. С. 83–94.
- Неотрадиционализм.* СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.
- Ольдерогге Д.А.* Род и община // Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М.: Мысль, 1972. С. 97–107.
- Перишц А.И.* Первобытный коллективизм: общая концепция и частные решения // Исследования по первобытной истории. М.: Наука, 1992. С. 26–42.
- Попов В.А.* Иерархия родовых институтов у аканов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.: ИЭ, 1980а. С. 159–170.
- Попов В.А.* К характеристике ашантийского института второго // Страны и народы Востока. Вып. 21. М.: Наука, 1980б. С. 99–107.
- Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982а.
- Попов В.А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности // Советская этнография. 1982б. № 1. С. 68–78.
- Попов В.А.* Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // Africa. Африканский этнографический сборник. Вып. 13. Л.: Наука, 1982в. С. 50–79.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990. 278 с.
- Попов В.А.* Род // Большая Российская энциклопедия. Т. 28. М.: БРЭ, 2015а. С. 575–576.
- Попов В.А.* Родовая организация // Новая Российская энциклопедия. Т. XIV (1). М.: Энциклопедия; ИНФРА-М, 2015б. С. 245.
- Семенов Ю.И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 75–86.
- Семенов Ю.И.* Введение во всемирную историю. Вып. 2: История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. 192 с.
- XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. Москва; Казань: ИЭА РАН; КФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 516 + LV с.
- Augé M.* Les domaines de la parenté. Paris, 1975.
- Christensen J.B.* Double Descent among the Fanti. New Haven: Human Relations Area Files, 1954. 145 p.
- Fortes M.* Kinship and Marriage among the Ashanti // African Systems of Kinship and Marriage. L.: Oxford University Press, 1950. P. 252–284.
- Fortes M.* Kinship and Social Order. L.: Aldine, 1970. 334 p.
- Girenko N.M.* More on the Marxism and Matriarchate // Current Anthropology. 1979. Vol. 20, № 4. P. 814–815.

- Herskovitz M.* The Ashanti Ntoro: a Re-Examination // *Journal of the Royal Anthropology Institute*. 1937. Vol. 67. P. 287–296.
- Manoukian M.* Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. L.: Oxford University Press, 1950. 112 p.
- Meyerowitz E.* The Sacred State of the Akan. L.: Faber and Faber, 1951. 222 p.
- Murdock G.P.* Double Descent // *American Anthropologist*. 1940. № 4, pt. 1. P. 555–561.
- Rattray R.S.* Ashanti. Oxford: The Clarendon press, 1923. 348 p.
- Richards A.J.* Some Types of Family Structure among the Central Bantu // *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950. P. 207–251.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2019 г.

Popov Vladimir A.

THE CONCEPTS OF ‘CLAN’ AND ‘CLAN ORGANIZATION’: RETHINKING DEFINITIONS*

DOI: 10.17223/2312461X/29/14

Abstract. The article proposes to distinguish between the concepts of ‘clan’ and ‘clan (gentile) organization’, and to recognize as clan the basic taxonomic unit of clan organization, which is a set of hierarchically subordinate social institutions (clan institutions). The structural principles of all clan institutions are exogamy, unilineality, and corporativeness. Clan has the greatest integrity, and can be localized. Examining matrilineal clan institutions functioning among the Akan peoples (West Africa), the article defines clan as an exogamous, unilineal, and corporate social institute, which is also a localized unit of clan organization.

Keywords: clan, clan organization, exogamy, unilineality, corporativeness, primitive society, traditional societies, neo-traditionalism, Akans

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 18-011-00644).

References

- Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. Vyp. 3. St. Petersburg: MAE RAN, 1999.
- Aleksejev V.P., Pershits A.I. *Istorija pervobytnogo obshchestva* [The history of prehistoric society, 5th edition]. Moscow: Vysshaja shkola, 1999.
- Artemova O.Yu. Strukturnyj, funktsional’nyj i stadial’nyj podkhody k probleme rodovoj organizatsii [Structural, functional and stadial approaches to the problem of gentile organization]. In: *Vtoroj mezhdunarodnyj kongress etnografov i antropologov Rossii* [Second International Congress of Ethnographers and Anthropologists. Summary of presentations]. Ufa: Vostochnyj universitet, 1997, ch. 2, p. 25.
- Artemova O.Yu. Korporativnaja grupa [Corporative group]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998a, p. 887.
- Artemova O.Yu. Matrilinijnost’ [Matrilinearity]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998b, p. 889.
- Artemova O.Yu. Rod [Gens]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998c, pp. 896–897.
- Artemova O.Yu. V ocherednoj raz o teorii «rodovogo byta» i ob «avstralijskoj kontroverze» [On the theory of ‘gentile life’ and the ‘Australian controversy’]. In: *Rannije formy sotsial’noj organizatsii* [Early forms of social organization]. St. Petersburg: MAE RAN, 2000, pp. 25–50.

- Butinov N.A. Etnograficheskie materialy i ikh rol' v izuchenii obtshiny drevnego mira [Ethnographic materials and their role in the study of ancient community]. In: *Obtshina i sotsial'naja organizatsija u narodov Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Azii* [Community and social organization among the peoples of East and South-East Asia]. Leningrad: Nauka, 1967, pp. 168–191.
- Butinov N.A. Obtshinno-rodovaja ierarhia v Severo-Zapadnoj Melanezii [Community and gentile hierarchy in Northwestern Melanesia]. In: *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoj nauchnoj sessii Instituta etnografii AN SSSR* [Summary of presentations at the annual scientific session of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences)]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 143–147.
- Girenko N.M. K voprosu ob evoljutsii sistem rodstva u nekotorykh narodov Ekvatorial'noj i Tropicheckoj Afriki [On the evolution of kinship systems in some peoples of Equatorial and Tropical Africa]. In: *Africana. Afrikanskij etnograficheskij sbornik. Vyp. 11*. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 13–53.
- Dreger L., Pershits A.I. Organizatsija rodovaja [Gentile organization]. In: *Svod etnograficheskikh pohjatij i terminov. Vyp. 1: Social'no-ekonomicheskie otnoshenija i socionormativnaja kultura* [A set of ethnographic concepts and terms. Issue 1: Socio-economic relations and socio-normative culture]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 121–124.
- Koshanovskaja I.Zh. Chto my znajem o formakh social'noj organizatsii v Polinezii? (Obzor zarubezhnoj i otechestvennoj literatury) [What do we know about the forms of social organization in Polynesia? (Scientific literature review)], *Etnograficheskoe obozrenije*, 1993, no. 2, pp. 163–174.
- Kozhanovskaja I.Zh. Lateral'nost' [Laterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 888.
- Kozhanovskaja I.Zh. Matrilateral'nost' [Matrilaterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 889.
- Kozhanovskaja I.Zh. Patrilateral'nost' [Patrilaterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 894.
- Kozhanovskaja I.Zh. Patrilinejnost' [Patrilinearity]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 894.
- Korotajev A.V. *Sabejskie etjudy* [Sabaean Studies]. Moscow: Vostochnaja literatura, 1997. 224 p.
- Korotajev A.V., Obolonkov A.A. Rodovaja organizatsija v social'no-ekonomicheskoj strukture klassovykh obtshestv [Gentile organization in the socio-economic structure of class-based societies], *Sovetskaja etnografija*, 1989, no. 2, pp. 36–45.
- Korotajev A.V., Obolonkov A.A. Rod kak forma social'noj v rabotah dorevoljucionnykh russkikh i sovetskikh issledovatelej [Gens as a form of social organization in the works of pre-Revolution Russia's and Soviet researchers]. In: *Uzlovyje problemy istorii dokapitalisticheskikh obtshestv Vostoka* [Key problems of the history of pre-capitalist societies of the East]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 3–52.
- Krjukov M.V. O sootnoshenii rodovoj i patronomicheskoj (klanovoj) organizatsii [On the relationship of gentile and patronymic (clan) organization], *Sovetskaja etnografija*, 1967, no. 6, pp. 83–94.
- Neotraditsionalizm* [Neo-traditionalism]. St. Petersburg: Tsentr informatizatsii obrazovanija «KIO», 2019.
- Olderogge D.A. Rod i obshchina [Clan and community]. In: *Problemy ispol'zovaniya prirodnykh i trudovykh resursov razvivayushchiksya stran* [Problems of using natural and labor resources of developing countries]. Moscow: Mysl, 1972, pp. 97–107.
- Pershits A.I. Pervobytnny kolektivizm: obshchaya kontseptsiya i chastnyye resheniya [Primitive collectivism: general concept and particular solutions]. In: *Issledovaniya po pervobytnnoj istorii* [Research on primitive history]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 26–42.

- Popov V.A. Iyerarkhiya rodovyykh institutov u akanov [Hierarchy of clan institutions among Akans]. In: *Izucheniye preyemstvennosti etnokul'turnykh yavleniy* [Study of the continuity of ethnocultural phenomena]. Moscow: IE, 1980a, pp. 159–170.
- Popov V.A. K kharakteristike ashantiyskogo instituta Ntoro [On the characteristics of the Ashantian institute ntoro]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 21. Moscow: Nauka, 1980b, pp. 99–107.
- Popov V.A. *Ashantiysy v XIX v. Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniya* [Ashantians in the 19th century. Ethnosociological research experience]. Moscow: 1982a. 176 p.
- Popov V.A. Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti [Age-sex stratification in ethnosocial reconstructions of primitiveness], *Sovetskaya etnografija*, 1982b, № 1, pp. 68–78.
- Popov V.A. Sistemy terminov rodstva akanov kak etnosotsiologicheskii istochnik [Systems of kinship terms of Akans as an ethnosociological source]. In: *Africana. Afrikanskij etnograficheskij sbornik*. Vyp. 13. Leningrad: Nauka, 1982c, pp. 50–79.
- Popov V.A. *Etnosotsial'naya istoriya akanov v XVI – XIX vekakh* [Ethnosocial history of Akans in the 16th – 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1990. 278 p.
- Popov V.A. Rod [Clan]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. T. 28. Moscow: BRE, 2015a, pp. 575–576.
- Popov V.A. Rodovaya organizatsiya [Clan organization]. In: *Novaya Rossiyskaya entsiklopediya* [New Russian encyclopedia]. Moscow: Entsiklopediya; INFRA-M, 2015b, p. 245.
- Semenov Yu.I. O nekotorykh teoreticheskikh problemah istorii pervobytnosti [On some theoretical problems of the prehistoric period], *Sovetskaya etnografija*, 1968, no. 4, pp. 75–86.
- Semenov Yu.I. *Vvedenie vo vsemirnuju istoriju*. Vyp. 2: *Istorija pervobytnogo obshchestva* [Introduction to World History. Issue 2: The history of prehistoric society]. Moscow: MFTI, 1999.
- XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Kazan', 2–6 iulia 2019 g. Moscow; Kazan': IEA RAN, KFU, 2019. 516 + LV p.
- Augé M. *Les domaines de la parenté*. Paris, 1975.
- Christensen J.B. *Double Descent among the Fanti*. New Haven: Human Relations Area Files, 1954.
- Fortes M. Kinship and Marriage among the Ashanti. In: *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950, pp. 252–284.
- Fortes M. *Kinship and Social Order*. L.: Aldine, 1970.
- Girenko N.M. More on the Marxism and Matriarchate, *Current Anthropology*, 1979, Vol. 20, no. 4, pp. 814–815.
- Herskovitz M. The Ashanti Ntoro: a Re-Examination, *Journal of the Royal Anthropology Institute*, 1937, Vol. 67, pp. 287–296.
- Manoukian M. *Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast*. L.: Oxford University Press, 1950.
- Meyerowitz E. *The Sacred State of the Akan*. L.: Faber and Faber, 1951.
- Murdock G.P. Double Descent, *American Anthropologist*, 1940, no. 4, pt. 1, pp. 555–561.
- Rattray R.S. *Ashanti*. Oxford: The Clarendon press, 1923.
- Richards A.J. Some Types of Family Structure among the Central Bantu. In: *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950, pp. 207–251.